

Феликс Чечик

Стихотворения

Родился в г. Пинске (Беларусь). Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Автор нескольких сборников стихов и публикаций в литературных журналах. Лауреат «Русской премии» (2011) и международной премии им. И. Ф. Анненского (2020). С 1997 года живет в г. Нетания (Израиль).

* * *

Вороньё кружит, как ведьмы,
обескровлены сердца.
Хорошо бы досмотреть бы
эту фильму до конца.

Было празднично, не страшно
и смешно, как пьяный клён,
начиная с «Ералаша»
и кончая «Фитилём».

Дальше – больше... Без опаски,
не заглядывая в даль,
старой, старой, старой сказки
и Неёлова и Даль.

И от Владика до Бреста,
а потом – наоборот:

месит Коренева тесто
и Киндинов струны рвёт.

Окончанием истерик,
пересчётами ворон:
и «Москва слезам не верит»
и Янковского барон.

Сердце – сука! Память – сводня!
Жалит времени пчела!
Начинается сегодня
апокалипсис вчера.

И спасенья никакого
нам с тобою не дано...
В опустевшем зале снова
крутят старое кино.

* * *

Скажи, Украина,
ответь, Беларусь:
откуда у хлопца
советская грусть?
Откуда? Оттуда,
где совесть чиста

и счастлив Иуда,
предавший Христа!
Откуда? Вестимо
из мрака, а там:
любовь – Палестина
и боль – Мандельштам.
Где тонко, там рвётся.
Где лживо, там гнусь.
Откуда у хлопца
советская грусть?
Неужто, не помнишь?
Неужто, забыл?
Любимая, кореш,
отличник, дебил –
оттуда мы родом,
застряв навсегда,
как под небосводом
речная вода.
Живём, как спросонья –
на фоне любви!
Погоня, погоня, погоня, погоня в горячей крови!
Погоня, погоня, погоня, погоня в горячей крови!

* * *

Завидую тому, кто выпил
и, погрузившись в дивный сон,
опять у магазина «Вымпел»
с друзьями повстречался он.
Слегка у «Вымпела» кирнули,
у «Полымя» поддали вновь.
И тише и быстрее пули
сердца наполнила любовь.
На Ленина ещё по пиву,
а в «Поплавке» ещё по сто.
Ах, не до жиру, быть бы живу!
И будут живы, как никто!
На то есть веская причина –
покойники среди живых.
Но это их не огорчило, –

скорей порадовало их.
И, глядя в тишине на Пину,
по новой пили не спеша.
И, отрезая пуповину,
летела в прошлое душа.
А я живу и в ус не дую,
смотрю зимой на стрекозу.
И вновь над вымыслом колдую,
роняя светлую слезу.

Наташа, Лена, Ира...

1

Постричься под Котовского, потом
под окнами у Власовец Наташи
стоять часами мартовским котом
и маяться, не пригубив из чаши,
когда другие пили, и взахлёб, –
но этого не знать. Лишь много позже,
как получить шальную пулю в лоб,
узнав случайно: и мороз по коже.
Каких-нибудь лет сорок, сорок пять –
и в рифму сублимировать опять,
и гнать строку, которой грош цена
в базарный день и не в базарный, кстати, –
и повстречаться вдруг. Она? Она! –
однажды в «Одноклассниках»? «В контакте»?
Фамилия другая и лицо,
в разводе, трое внуков, жизнью бита,
но взгляда голубое озерцо
притягивает посильней магнита:
– Привет, Наташа! Как дела? Как жизнь?
– Привет! Нормально. Сам-то как? – А больше
не знаешь, что сказать. И, опершись
на опыт, что-то говоришь (о Боже!)
И сам уже не рад, что отыскал,
и рад, что прекратилась переписка...
Остался лишь песок от вечных скал,
и море разливанное от Пинска!

2

Помнишь Лену Сорокину?
Помню, в сердце таю!
Как последние строки у
немоты на краю.
Помнишь липы цветущие,
по-над речкой тихи,
разделённую! – ту ещё!
те ещё – не стихи?
Помнишь ночь бесфонарную
и свеченье стыда?

Рифму вечную, парную:
«кровь-любовь» – навсегда?
Помню, не забываются
на скрижалях судьбы
голос Блока и аиста
над деревней Колбы.
Все просрочены сроки на
целый век – боль и страх...
Здравствуй, Лена Сорокина,
и младенец в руках!

3

Отпусти меня, Лена Сорокина,
я устал, я уже не могу –
столько зим под любимыми окнами
утопаю в слезах и в снегу.
Отпусти постаревшего, нервного,
как бесснежный конец декабря...
– Отпускаю тебя тридцать первого
и с утра возвращаю тебя!

4

Как сказала однажды мне Ира
Марковец – лет за тысячу до
«Меланхолии» Ларса фон Триера:
«Виновато во всём либидо!»
Не либидо, – ещё бы! – Не либидо,
либидо, до скончания дней!
Расставания чаша не выпита,
отчего же мы плачем над ней?
И покуда не таем снежинками
по-над памятью в форме сердец,
лебединую песню с ужимками
пой, вальсируя, И. Марковец!
Неба серого, времени сирого
жаль до слёз, потому что вода.
И, конечно, нам жалко фон Триера,
и, конечно, нам жаль либида.

Нас не жаль никому, и поэтому
мы бессмертны, не зная о том,
в январе одеваясь по-летнему,
согреваясь одним либидом.
И летим у любви на виду:
либида, либидой, либиду.

* * *

Приспособились, так и живём.
Г. Кружков

Приспособился, так и живу:
хлеб жую, как во сне, наяву
и гляжу на осеннее небо,
иногда отрываясь от хлеба.

Приспособился, – мне ли не знать,
как живёт пролетарская знать:
на заводе, в ЗабВО и на стройке,
возвращаясь под утро с попойки.

– Жизнь прошла, говоришь? – Говорю
сентябрю, октябрю, ноябрю, –
вечной осени, граду и миру,
обживая ночную квартиру.

Жил, как если бы не жил совсем.
– Где твои 27-37, –
жид пархатый – страдающий немец –
обыватель и приспособленец?

– Сам не знаю. Как осени сад
облетели мои 60.
И живу у зимы на виду,
как забытая книга в саду.

* * *

Когда уходят люди, как стихи
уходят навсегда, не обещая

вернуться. И становятся тихи,
как бабушки глаза за чашкой чая,
которые не здесь, а где-то там
в Турткуле в сорок первом – в сорок вечном,
а прошлое крадётся по пятам
и станет будущим в молочно-млечном.
Когда уходит время и когда
в заначке ни секунды, ни мгновенья –
лишь мёртвая в реке течёт вода
и кровь живая не течёт по вене,
где рифмами осенними звеня,
листва кружит уже не для меня.

* * *

А. П.

У Цветаевых в городе А
на лету испарялись слова.
Мы прощения не попросили
у Марины и Анастасии.
Мы стояли на улице Л,
проклиная жары беспредел:
пиво пили и байки травили,
спотыкаясь на каждой промилле.
Город А, – средоточье любви –
мы залётные гости твои,
мы давно, забывая о теле,
от поэзии подзалетели, –
и приехали только затем,
что скучаем по Осипу М.
Город А превращается в N
и не ждёт никаких перемен,
потому что – любовь неизменна:
ночь тиха, «Жигулёвское» пенно.
Сладко спят, как на ветках грачи,
понаехавшие москвичи.